Кризис военно-политических блоков

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Вышедшие (уже не в первый раз) на поверхность острые противоречия внутри Североатлантического альянса вызывают вопросы не только по поводу будущего НАТО. Современные геополитические реалии бросают вызов всей концепции коллективной обороны. Для большинства государств мира, в том числе в Европе, она не может быть эффективной в условиях зашкаливающей глобальной неопределенности.

Содержание

1 НАТО все?
2 Не только НАТО
3 Системная неопределенность противоречит жесткой блоковой логике

4 апреля Североатлантический альянс отметил уже 77-й день рождения. За почти восемь десятилетий своей истории он переживал разные времена и вызовы, но именно сейчас погрузился в самый глубокий и, вероятно, трансформационный кризис. И это не историческая случайность, связанная со специфической политикой американской администрации во главе с Дональдом Трампом. Это естественное следствие тотальной неопределенности в мировой системе. По этой же причине в кризисе сегодня находятся и все другие военно-политические блоки.

НАТО все?

Напряженность между действующей американской администрацией и европейскими союзниками по НАТО появилась не вчера. Скептическое отношение самого Трампа и многих людей в его окружении к Альянсу известно давно. Эта тема сопровождала и его первый президентский срок, когда он без какого-либо политеса стал принуждать остальных членов организации к повышенным оборонным расходам и заказам в пользу американского ВПК. Много опасений по

поводу его намерений в отношении НАТО высказывалось и в преддверии второго восхождения Трампа на президентский олимп. Например, его бывший советник по национальной безопасности Джон Болтон уверенно утверждал, что 47-й глава Белого дома точно выведет США из Альянса.

Хотя после прошлогоднего саммита НАТО в Гааге казалось, что согласие европейских стран-членов повысить оборонные и смежные расходы до 5% ВВП снизило страсти и тем самым обезопасило Альянс от односторонних шагов Вашингтона в сторону дезинтеграции.

> Но все изменила американо-израильская кампания против Ирана.

Администрация Трампа с самого ее начала не скрывала, что ожидает от европейских союзников если не прямого участия, то логистической или какой-то другой поддержки. А европейцы, в свою очередь, не скрывали нежелания впутываться в «не свою войну». Тем более что американские власти даже не посчитали нужным проинформировать их о своих ближневосточных планах и уж тем более не консультировались с ними. Кроме того, и заложенные в Североатлантическом договоре механизмы коллективной обороны (в том числе знаменитая статья 5) нерелевантны в контексте войны на Ближнем Востоке.

Правда, вначале только Испания принципиально отказала США в праве задействовать расположенные на своей территории военные базы и пользоваться испанским воздушным пространством в рамках ближневосточных операций. А остальные страны Европы, судя по всему, рассчитывали пропетлять, промолчав или ограничившись риторической поддержкой заокеанского союзника. Однако по мере затягивания войны и усложнения ее глобальных последствий европейские лидеры стали говорить и действовать смелее. Они не только начали открыто критиковать сам факт атаки на Иран или отрицать возможность своего участия в деблокировании Ормузского пролива. Уже целый ряд европейских столиц отказывают американскому союзнику в праве использовать их воздушное пространство для пролета военных судов в направлении Ближнего Востока. И чем дальше, тем, может быть, больше.

Понятно, какую реакцию все это вызывает в Вашингтоне. Дональд Трамп уже не раз и в различных выражениях поделился с общественностью тем, что думает о европейских союзниках. Апогеем его заявлений стало предположение о возможном выходе США из НАТО. И глава Белого дома не единственный, чья риторика звучит по-настоящему угрожающе для перспектив Альянса.

Пожалуй, даже более показательны слова госсекретаря Марко Рубио: *«Если НАТО сводится лишь к защите Европы нашими руками в случае нападения на нее, но при этом не дает нам возможности размещать там наши войска, когда это необходимо, то это не очень удачное соглашение. Трудно оставаться приверженными ему и утверждать, что оно выгодно Соединенным Штатам. Поэтому все это придется пересмотреть».*

Разумеется, это не первый кризис за почти восьмидесятилетнюю историю НАТО. И в годы Холодной войны, и после ее завершения между трансатлантическими союзниками несколько раз случались весьма острые расхождения, которые в моменте также выглядели очень серьезно для будущего Альянса. Но возьмем на себя смелость утверждать, что именно разразившийся сейчас кризис станет самым глубоким. Частично это связано со спецификой ситуации: последствия ближневосточной войны моментально стали бить в самое сердце европейской социально-экономической системы и, следовательно, политической стабильности. А слова и действия из Вашингтона лишь дополнительно сыплют соль на кровоточащую европейскую рану.

> Однако главная причина в другом – в растущей нерелевантности Североатлантического альянса, каким мы его знаем, текущим мировым реалиям.

В нерелевантности механизма и логики коллективной обороны НАТО тем вызовам, которые сегодня стоят перед его государствами-членами.

Не только НАТО

Прежде чем сфокусироваться на этой причине, обратим внимание, что Североатлантический альянс вовсе не единственный военно-политический блок, столкнувшийся сейчас с кризисом.

Едва ли где-то в мире сегодня можно найти какой-то формальный или менее формальный механизм коллективной обороны, который бы переживал хорошие времена и мог похвастаться далекоидущими амбициями и перспективами. В этом отношении кризис НАТО тем более показателен: ведь до недавнего времени это действительно был самый успешный в истории и самый мощный, консолидированный военный блок. По крайней мере, таковым он воспринимался и самими государствами-членами, и многими за его пределами. А восприятие – это, как говорится, все в международных отношениях.

Организации коллективной обороны, которые и раньше воспринимались с различными оговорками или которые не брали на себя таких высоких обязательств, как НАТО, также сейчас вошли в кризисную динамику.

К примеру, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) уже несколько лет функционирует в режиме, когда один из членов (Армения) фактически заморозил свое в ней участие. Более того, системообразующее государство ОДКБ – Россия – занято решением полномасштабных военных задач в конфликте с Украиной. Притом делает это в одностороннем порядке, что по определению накладывает ограничивающий эффект на весь механизм ОДКБ. По понятным причинам другие члены организации, как и в случае с европейскими странами НАТО, стремятся не оказаться втянутыми в войну, которую не считают своей и на ход которой как члены ОДКБ они не имеют возможности влиять.

Это не значит, что перестали работать институты ОДКБ или прекратились традиционные для организации мероприятия на различных уровнях, в том числе военные учения. Но все же в функциональном плане дух времени в ее стенах сложно не заметить.

> Как и то, что государства-члены просто не могут делать эксклюзивную ставку на договоренности и механизмы в рамках ОДКБ как на приоритетную основу своей национальной стратегии безопасности.

То же самое справедливо и в отношении некоторых других международных структур, которые не являются в полном смысле блоками, но занимаются военными вопросами и призваны в той или иной степени укреплять коллективную безопасность.

Например, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). О ней в контексте ближневосточной войны вообще почти не слышно, хотя Иран является членом организации. Аналогичная ситуация с американоцентричными форматами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такими как AUKUS (Австралия + Великобритания + США) или Четырехсторонний диалог в области безопасности (QUAD), включающий Австралию, Индию, США и Японию.

Еще раз подчеркнем, что эти и похожие межгосударственные образования не относятся к механизмам коллективной обороны, так как не основаны на принципе «один за всех и все за одного». Но вокруг них давно много спекуляций, что рано

или поздно они могут начать трансформироваться в сторону этого принципа. Такие спекуляции и раньше вряд ли были обоснованными, и уж тем более для них нет никаких оснований в международных реалиях сейчас.

Системная неопределенность противоречит жесткой блоковой логике

Связано это с уже упомянутой нерелевантностью самой идеи коллективной обороны, на которой строятся военно-политические блоки, имеющимся сейчас мировым реалиям. Механизм коллективной обороны, то есть военный альянс, может быть эффективным лишь в том случае, если объединенные им государства имеют определенность по двум поводам.

Во-первых, и это самое главное, по поводу внешней угрозы, сдерживать которую призван военный блок. Такая угроза должна восприниматься не только определенно, но и единообразно. То есть все участники механизма должны иметь единое представление об источнике и серьезности угрозы со стороны третьего актора. Это и цементирует рациональность объединения оборонных усилий против этой угрозы.

Именно поэтому крепкие и устойчивые военно-политические блоки обычно возникают тогда, когда группа стран видит общую угрозу со стороны мощного третьего государства или альянса, которые склонны использовать военную силу для смены регионального статус-кво. По этой причине в 1949 году появилась НАТО. И по этой же логике она стала такой успешной на пике Холодной войны.

Во-вторых, необходима определенность по поводу ваших собственных союзников: устойчивости их целеполагания, намерений и методов во внешней политике и политике безопасности. На основе такой определенности выстраивается доверие к союзникам, без которого сложно представить тесное сотрудничество в области обороны – самой чувствительной сфере межгосударственного взаимодействия. Она же лежит в основе базового прогнозирования и планирования, которые приводят государства к выводу, что механизмы коллективной обороны в наибольшей степени соответствуют их потребностям.

Очевидно, что сегодня об определенности по обоим названным поводам можно только мечтать. Главной характеристикой международных отношений сейчас является прямо противоположное состояние – системная неопределенность. Уровень неопределенности зашкаливает, и она проявляется практически повсеместно: от соотношения силовых потенциалов и намерений в масштабах

всей планеты – до интерпретации рисков и угроз в различных регионах. Из-за этого все меньше государств, даже расположенных в одном регионе, склонны единообразно определять источники и степень внешних угроз. И даже у формальных союзников возникает все больше расхождений по поводу интерпретации происходящего и ожиданий от будущего.

> Естественная реакция государств на системную неопределенность противоречит логике, которая обычно ведет к формированию механизмов коллективной обороны.

Последняя подразумевает ставку на четко прописанные взаимные обязательства в области безопасности. Естественная же модель поведения в условиях неопределенности – это хеджирование рисков. А для эффективного хеджирования нужны как можно более широкое пространство для внешнеполитического маневра и максимальная гибкость в принятии решений. Это достигается в том числе за счет диверсификации партнеров, максимального расширения собственных возможностей и вариативности внешнеполитических опций. Во многом залог успеха хеджирования в двусмысленности, которую по определению не терпит логика коллективной обороны в виде строгих военных блоков.

Евгений Прейгерман
Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»